

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2021. Том 25, № 2
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.3

ББК 81.1

DOI 10.18522/1995-0640-2021-2-87-99

LOL-ТРАСЯНКА: НА КАКОМ ЯЗЫКЕ ШУТЯТ БЕЛОРУССКИЕ СЕТЕВЫЕ СООБЩЕСТВА?

Т.А. Пивоварчик, И.И. Минчук

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь

Аннотация. Статья посвящена LOL-трсянке – сетевой разновидности смешанной белорусско-русской речи, активно используемой в белорусских интернет-сообществах в качестве источника комического и триггера смеховых коммуникативных ситуаций. Описаны социолингвистические и коммуникативно-дискурсивные факторы, обусловившие статус LOL-трсянки как основного кодового ресурса интернет-сообществ с иронично-гротескным дискурсом социально-критической направленности. Определены функции, которые выполняет LOL-трсянка в коммуникативном взаимодействии участников таких сообществ.

Ключевые слова: белорусский язык, русский язык, интернет-коммуникация, язык интернета, сетевое сообщество, субстандарт, трсянка, LOL-трсянка, смеховой дискурс, функции языковые.

Введение

Дискурсивное пространство Интернета оказывает ощутимое влияние на развитие национальных языков и динамику языковой ситуации в странах постсоветского пространства. Так, мы можем отметить тенденцию к увеличению присутствия белорусского языка в Сети, несмотря на глобализационные процессы и рост популярности мировых языков, несмотря на устойчивое доминирование русского языка в ситуации несбалансированного белорусско-русского двуязычия. Белорусский литературный язык представлен на сайтах органов власти, средств массовой информации, культурных и образовательных учреждений, в специальных интернет-проектах, призванных «развивать и активизировать национальное сознание и коммуникацию на белорусском языке» [Мечковская, 2011, с. 80], на публичных и персональных интернет-страницах.

Особым дискурсивным феноменом белорусского сегмента Интернета (Байнета) стало появление сетевых сообществ, объявивших в качестве основного языка общения не русский и не белорусский литературные языки, а сетевой вариант **трсянки** – смешанной белорусско-русской речи, представляющей собой субстандартную периферию белорус-

ского языка. Трасянка в ее устной форме как явление бытового общения, факторы ее возникновения и место в русско-белорусском континууме неоднократно становились предметом исследований в рамках социолингвистики, психолингвистики, лингвопрагматики [Мячкоўская, 2007; Zaprudski, 2007; Liskovets, 2010; Hentschel, 2017 и др.]. Однако сетевой вариант трасянки в ее гибридной устно-письменной форме, реализуемый в мультимодальных текстах, имеющий собственные графико-орфографические и лексико-грамматические черты, функциональную специализацию, отдельно исследователями не рассматривался.

Исследования, в центр внимания которых поставлена проблема кодового переключения и смешения при моделировании смеховых коммуникативных ситуаций, выполнялись на материале разных языков [Siegel, 1995; Rampton, 1999; Vaid, 2006; Chiaro, 2009], однако на материале белорусского языка нам неизвестны. Имеются отдельные работы, посвященные кодовым переключениям в интернет-дискурсе Беларуси [Белова, 2012; Десюкевич, 2019] и особенностям белорусского юмора в медиадискурсе [Astapova, 2015]. Между тем именно сочетание в одном контексте разных языков и их вариантов нередко выступает триггером смеховых ситуаций. Представляется, что сетевой вариант трасянки, названный авторами настоящей статьи **LOL-трасянкой** по аналогии с LOLspeakом в англоязычном интернет-пространстве [Crystal, 2001; Fiorentini, 2013; Bury, Wojtaszek, 2017], заслуживает исследовательского внимания, поскольку выступает особым медиалектом [Hjarvard, 2004], участвует в организации смехового дискурса – одного из наиболее востребованных сегментов современной интернет-коммуникации [Дускаева, Щеглова, 2020].

Цель данной статьи – выявить и описать социолингвистические и коммуникативно-дискурсивные факторы, обусловившие статус LOL-трасянки как основного кодового ресурса белорусских сетевых сообществ с преобладанием смехового дискурса, а также определить функции, которые выполняет трасянка в коммуникативном взаимодействии участников таких онлайн-сообществ. Источником языкового материала стали полилоги, извлеченные из белорусских «смеховых» сообществ в социальной сети «ВКонтакте»: «Агратрэш», «Бульбаш», «Мая краіна Беларусь» (далее – «МКБ»), «Парція памяркоўных цэнтрыстаў» (далее – «ППЦ»). Отметим особый характер этих онлайн-групп: преобладает разножанровый комический контент; члены сообществ открыто выражают альтернативные взгляды; текстовое пространство экспериментально; дискурс во многом деструктивен.

Исследование проводится с позиций комплексного подхода, объединяющего социолингвистический, лингвопрагматический и медиалингвистический аспекты изучаемой проблемы. Теоретико-методологическую основу составляют работы в области теории языковых контактов, интеракционной социолингвистики, социокогнитивного и социопрагматического дискурс-анализа. Примеры реплик из онлайн-комьюнити приводятся в исходном виде с сохранением орфографии и пункту-

ации источника. Авторы статьи не несут ответственности за содержание текстов, опубликованных в онлайн-комьюнити, и исходят из того, что тексты, размещенные в открытых сообществах, могут быть использованы в качестве материала для проведения научных исследований.

Исследование и его результаты

Наблюдения за коммуникативными практиками пользователей социальных сетей показали, что в целом ряде белорусских сетевых сообществ используется смешанная белорусско-русская речь в виде ее особого сетевого варианта – LOL-трасянки. Приведем пример такого текста: *Эта наверна из разрада “кагда дзирэуя были балшыя”... Усё была на другому... И у васпамянах у сонным сьвеці... И так далжно быць... И як бы там ні было, ніякі Смаленск, ці Венецыя, ці Парыж які, ніколі ў жыцці ні сраўніцца з той глухой дзюрдзелкай, у каторай ты тока прадзёршы вочы, у адных труснях ляцеў на агарод жорці гразную клубніку ішчо ў расе... (Агратрэш, 24.12.20).* Этот текст **на русском языке** мог бы выглядеть таким образом: *Это, наверное, из разряда «когда деревья были большими»... Все было иначе... И в воспоминаниях в солнечном свете... И так оно должно быть... И как бы то ни было, никакой Смоленск, или Венеция, или Париж никогда в жизни не сравнятся с той глухой деревенькой, в которой ты, только открыв глаза, в одних трусах летел в огород жрать грязную клубнику еще в росе...* Представим и вариант текста **на белорусском языке**: *Гэта, напэўна, з разрада «калі дрэвы былі вялікімі»... Усё было іначай... І ва ўспамінах у сонечным святле... І так яно павінна быць... І як бы там ні было, ніякі Смаленск, або Венецыя, ці Парыж ніколі ў жыцці не параўнаюцца з той глухой вёсачкай, у якой ты, толькі адкрыўшы вочы, у адных трусах ляцеў у агарод жэрці брудныя клубніцы ішчэ ў расе...*

Даже небольшого текстового фрагмента достаточно, чтобы проиллюстрировать специфику сетевого смехового дискурса на LOL-трасянке, который характеризуется а) намеренным искажением норм и русского, и белорусского языков: *навэрна* (рус. *наверное*, бел. *магчыма*), *дзирэуя* (рус. *деревья*, бел. *дрэвы*); б) гипертрофированной интерференцией: *у жыцці* (рус. *в жизни*, бел. *у жыцці*), *ішчо* (рус. *еще*, бел. *ішчэ*); в) нарушением этических и этикетных правил общения, демонстративной маргинализацией речевого потока: простореч. *з дзюрдзелкай, у труснях, жорці*; г) общей интенцией иронии и сарказма: в одном ряду – *Смаленск, Венецыя, Парыж*, которые уступают *глухой дзюрдзелке*; поэтич. *“кагда дзирэуя были балшыя”* и вульг. *у адных труснях ляцеў на агарод жорці гразную клубніку*. Усилиями интернет-пользователей речевые нарушения, вызванные близкородственной интерференцией, утрируются, множатся, усугубляются намеренной антинормативностью «олбанского» сленга.

Для эффективной смеховой онлайн-коммуникации в условиях белорусско-русской диглоссии виртуальные собеседники должны учитывать целый ряд факторов, обуславливающих возникновение коннота-

ций в высказываниях, реализованных с использованием того или иного языкового кода. Знания о социальной, культурной, идеологической обусловленности кодовых предпочтений в смеховых ситуациях входят в общий пресуппозиционный фонд полилингвальных участников сетевого общения, позволяют им осуществлять оптимальный выбор языкового кода и избегать коммуникативных неудач.

1. Факторы использования LOL-троянки как ресурса смехового дискурса белорусских сетевых сообществ. Первый фактор – сложившиеся в белорусском обществе **стереотипы маркирования государственных языков и их вариантов** по двум социолингвистическим признакам, первым из которых является престижность / непрестижность. Исторически за белорусским языком закрепилось представление как о языке сельских жителей, но одновременно и как о языке гуманитарной творческой интеллигенции, жаждущей лучшей судьбы для своего народа, и языке общества, замкнутого в своих национальных границах. В начале XX в. проблему статуса белорусского языка и стереотипного представления о нем как о языке крестьянском, «хамском», «нелюдском» и смешном поднимала первая белорусскоязычная газета «Наша Ніва». Газета будила национальное самосознание, обращая внимание на то, что белорусскому языку долгое время отказывали в праве на самостоятельность, его высмеивали, не пускали «дальше крестьянского двора, дальше убогих крестьянских полей» [Самусевіч, 2012]. Широко функционировавшие на территории Беларуси русский и польский языки обладали значительно большим престижем как языки «панские», «шляхетные», языки доминирующего сословия. И сегодня, спустя столетия, русский язык воспринимается как язык городских жителей, технократической интеллигенции, взявшей курс на выход за границы традиционной культуры [Лукашанец, 2016, с. 7]. В качестве второго маркирующего признака выступают стереотипные представления о политических установках носителей языка. Так, белорусский литературный язык («наркомовка») ассоциируется с политической лояльностью, традиционализмом, склонностью к русификации и отступничеством (рenegатством), альтернативный вариант, ориентированный на речевую практику 20-х гг. XX в. («тарашкевица») – с оппозиционностью, реформаторскими взглядами, патриотизмом [Лукашанец, 2016].

Вторым фактором, обусловившим применение именно троянки в белорусском смеховом сетевом дискурсе, стало **усиление символической функции белорусского языка**, возрастание его роли «в качестве средства и символа национальной идентификации и самоидентификации, средства сохранения и презентации национального духовного наследия и культуры» [Лукашанец, 2009]. Для жителя Беларуси говорить по-белорусски – это не только использовать язык как средство коммуникации, но «еще и ‘уважать традиции’, ‘знать белорусскую культуру’ и т. д., к тому, кто говорит на *мове*, относятся с уважением <...> слово *мова* несомненно является концептуальным, отношение к нему выявляет альтернативные миры» [Прохорова, 2008, с. 94]. А значит, в про-

фанном и вульгарном смеховом дискурсе белорусскому литературному языку не место.

Комическое, оформленное средствами белорусского литературного языка, имеет негласные этические ограничения. Так, в сетевых сообществах табуированы для смеховых ситуаций темы отечественной истории, национальной литературы, белорусского языка. С регулярностью пользователи декларируют пуристическое отношение к искажению и огрублению белорусского языка и лексем с национально-культурным компонентом (*Беларусь, Белая Вежа, бусел, валошкі*). Столкнувшись с фактами несоблюдения языковых правил, участники сетевых сообществ оставляют осуждающие комментарии, например: *На ўсялякі выпадак пераглядзеў слоўнік, але нідзе няма такога слова, так што выпраўце, бо глядзець брыдка* (рус. *На всякий случай еще раз пересмотрел словарь, но нигде не нашел такого слова, так что исправьте, смотреть противно*); «Спатканьне», «збiраў», «Зь»?? **Як можна было так верш сапсаваць??** (рус. *Как можно было так стихотворение испортить?*).

В качестве третьего фактора отметим **пренебрежительное отношение к смешанной белорусско-русской речи**, название которой (трсянка – низкокачественная смесь сена с соломой) служит не только «лексическим маркером демократизации», но и «пейоративной метафорой» [Рамза, 2010, с. 113]. В «Словаре социолингвистических терминов» под редакцией В. Ю. Михальченко трсянка, наравне с украинским суржиком, квалифицируется как «полуязычие», вызванное тем, что человек недостаточно владеет обоими языками: и русским, и белорусским [Словарь..., 2006, с. 33, 231]. Носитель такого «полуязычия» признается малообразованным человеком «с низким языковым уровнем и низкой языковой компетенцией» [Словарь..., 2006, с. 222, 231].

Почему же именно трсянка стала языковым кодом, маркирующим в коммуникации белорусов смеховой социально-политический дискурс с иронической и сатирической тональностью? На наш взгляд, главная причина – рассогласование «матрицы общения» и «кодовой матрицы» [Крысин, 1977], которое наблюдалось в Беларуси в 90-х гг. XX в. Именно в этот период становления независимой республики носителями смешанной речи стали люди, обладающие высоким социальным статусом: первые лица страны, представители органов государственного управления, руководители предприятий. Уровень языковой компетентности высокостатусных лиц обсуждался и сегодня обсуждается на разных уровнях и с разной степенью доброжелательности. Наряду с эмпатийными высказываниями (например, *Некалькі разоў мне даводзілася чытаць такія каментары, калі чыноўнік выступае па-беларуску, то пішуць, што выступае на трсянцы. Нельга крытыкаваць за такія імкненні! Калі будуць такія крытычныя заўвагі, то ніхто не захоча размаўляць па-беларуску* («Наша ніва», 12.07.2018)) встречается откровенная насмешка над носителями трсянки: *Цікавы быў чалавек Дземянецей, зямля яму пухам. Ён адрозніваўся ад усіх тым, што не ведаў рускай мовы, таму размаўляў на трсянцы, мы яе называлі «дземянецейка». Гэта было*

нам вельмі карысна і на руку, бо так ён мог сапсаваць любы загад ЦК, агучыйшы на сваёй мове («Наша ніва», 10.07.2018). Быстро осознанное интернет-пользователями противоречие между социальным статусом и языковой компетентностью привело к тому, что трасяночная речь стала триггером коммуникативных ситуаций стёба, пародирования, ёрничания.

Четвертый фактор – **расширение сфер использования трасянки**. Начиная с 2000-х гг. трасянка приобрела письменную форму, заявила себя как кодовый вариант «особых случаев» в дискурсах СМИ и СМК. В 2001 г. на «Первом музыкальном канале» появилась передача «Калыханка» на трасянке в исполнении дуэта «Саша и Сирожа», которая быстро нашла своего зрителя в Беларуси и за ее пределами. На трасянке публикуются тексты художественной литературы (например, книга «Я прыду за табой у аўгусце» автора под псевдонимом Каміла Цень), смешанная белорусско-русская речь стала средством создания речевых портретов в театральных постановках (по замыслу белорусского режиссера Николая Пинигина, все провинциальные герои спектакля «Ревизор» на сцене Купаловского театра говорили на трасянке). Белорусский музыкальный коллектив «Разбітае сэрца пацана» исполняет композиции исключительно на трасянке, так характеризую свое творчество в одном из сетевых аккаунтов: *РСР – это порция юмора, карикатуры, сарказма и самоиронии, благодаря чему живые выступления группы превращаются в абсурдный шоу, полное жестокости, ненормальности и эксцентричности*.

Особенно востребованной, как уже отмечалось выше, трасянка стала в некоторых сетевых сообществах – «Агратрэш», «Бульбаш», «МКБ», «ППЦ». Обратим внимание на то, что **участники сообществ не являются носителями трасянки в традиционном смысле этого слова**, а используют этот языковой субстандарт именно как маркированное средство выражения оценки, отношения, эмоций. Если возникает необходимость, пользователи переходят на белорусский или русский литературный язык, например: *Гугл может влезть в 1 С у меня на сервере? Ой, что творится! Завтра жэстачайшэ абрублю интернет бухгалтерии, а то вдруг еще чего* (МКБ, 13.09.2018); *А вы знайця... Смяшно... годны гумар* (Бульбаш, 19.01.2021).

Следует отметить еще один очень важный момент: пользователей, обращающихся к LOL-трасянке, никак нельзя упрекнуть в низкой языковой компетенции, поскольку они в своих речевых практиках демонстрируют оригинальное словотворчество, осознанное и умелое (пусть и не всегда этичное), при этом нередко прибегают к метаязыковой рефлексии: *Ганаруш вамі, сябры, а я вось трасяницей луплю* (Бульбаш, 16.10.14); *Трасяніць мы ўсе гаразды, гэта саўсем не сложна* (МКБ, 06.08.18); *Дзе бы я ні трасяніў, мяне вязде прынімалі за сваяго* (МКБ, 06.08.18); *Ну які ж гэта трасяныч!?) Па дзеравенскі гэта!!!)* (МКБ, 16.07.17). Таким образом, LOL-трасянке в сетевых сообществах свойственна высокая прагматическая нагруженность.

2. Функции LOL-трасянки в коммуникативном взаимодействии участников белорусских онлайн-сообществ. LOL-трасянка в социаль-

ном и коммуникативном отношении близка, с одной стороны, смеху и улыбке, а с другой – сленгу. При определении функциональной специфики LOL-трсянки мы учитываем классификацию социальных функций смеха в работе А. А. Сычёва [Сычев, 2003, с. 95–109], исследования о функциональности сленга и сленговой смеховой культуры, в частности Э. Партриджа [Partridge, 1972]. Представим специфические функции LOL-трсянки в коммуникативных координатах «Я» (пишущий) – «Мы» (члены сообщества) – «Они» (чужие, вне сообщества)».

2.1 Вектор «Я» (пишущий). Креативная функция LOL-трсянки проявляется в самовыражении членов сообщества, получении удовольствия от словотворчества в процессе экспериментального смешения белорусского и русского языков. Пользователи демонстрируют лингвокреативность, достигая комического эффекта с помощью элементов языковой игры: *Сабіраюш манаткі і бяжыш к мамке дадому у сяло **Нижний Сракатан** (ППЦ, 22.09.18); Ціна выступаць на этам **Лайновідзеніі** ат Квітнеючай должэн іменна он (ППЦ, 19.01.19); Ох уж тыя з **змагарызмам** галаунова мозгу... (ППЦ, 12.03.18)*. Проявлением креативной функции LOL-трсянки выступают многочисленные стилевые и стилистические эксперименты, в которых трсянка используется для имитации эпических текстов (например, из цикла повествований *#агракасмагонія* в сообществе «Агратрэш»: *Была лі ілі не была нічыво, аднака расказваюць старыкі, што даўным даўно, у нізапамятныя ўрыміна, кагда дрэўнія аршанцы ішчо абрабатвалі тушоначныя паля крэмявымі гачкамі, а гомельскую грэчку можна была дзіржаць на каленях і гладзіць, жый у Карэліцкім ауле нішчы пастух на іміні Пі*юк (Агратрэш, 23.05.2020)), для создания иронических стихотворений: *Купляйце беларускае – кухвайкі і галошы. Работайце бясплатна. На што вам тыя грошы?? Не ежце многа мяса – адзін халестырын! Патрэбен беларусу – зялёны вітамін (МКБ, 08.02.2016)*.*

Смежная с креативной функцией – **эмоционально-экспрессивная**: LOL-трсянка позволяет пишущему выразить палитру эмоций. С одной стороны, администраторы активно делятся собственными публикациями, полными радости, грусти, возмущения, злости. С другой стороны, участники сообществ используют LOL-трсянку, выражая свое отношение к прочитанному; см. реплики-комментарии в полилогах: *Жэстачыйшы агратрэш; Я ваапшчэ у васхишчэнии!!! а што, очень самабытна...; Очень харашо)))))) Пачэму жэ, усе очень дажа правільна (МКБ)*.

Следует добавить, что LOL-трсянка является смеховым субкодом, а смех, по замечанию А. А. Сычёва, «может выступать как определенная эмоциональная разрядка, отдых от забот и проблем повседневной жизни, “предохранительный клапан” для асоциальных желаний» [Сычев, 2003, с. 104]. В анализируемых сетевых сообществах LOL-трсянка позволяет «понизить градус» эмоций в текстах. Сравните реплику **U2** в варианте на LOL-трсянке и в переводе на русский язык? **U1: Павел, твои родители знают, что ты маргинал и людей пытаешься стравливать?** – **U2: Дима, страваць нікаво ні нада! што такое маргінал я не пінімаю, гавары**

давай па рускі! (перевод: Дима, стравливать никого не надо! Что такое маргинал я не понимаю, говори давай по-русски). Анализ материала показывает, что фразы с высокой конфликтogenностью LOL-трсянка в некотором смысле смягчает, переводя в плоскость несерьёзного.

2.2 Вектор «Мы» (члены сообщества). В сетевой коммуникации LOL-трсянка выполняет **интегративную функцию**, объединяя членов онлайн-комьюнити как людей, обладающих общим чувством юмора. См. подпись модератора и комментарий пользователя к фотографии, на которой изображен душевой держатель в виде закрепленной на стене картофелемялки: *Унікальны душэвой ІТ-дзяржацель «Віхр-255А» была разработана сатруднікамі Івацэвічскава НІІІ Ракетастраення – Саврэмена! Хдзе купіць гэтую прыблуду?* («Агратрэш», 12.01.20). «Трсяночные» шутки подхватываются, обыгрываются, поддерживаются одобрительными метаязыковыми высказываниями. Благодаря общему языковому коду растет степень вовлеченности членов сообщества в коммуникативную ситуацию, что способствует их сплочению.

Смежная с интегративной функцией – **идентификационная**. Идентификация членов сообщества происходит на основе приверженности к определенным речевым практикам, а LOL-трсянка выступает сигналом контекстуализации (Дж. Гамперц), обеспечивающим адекватное восприятие и понимание намерений друг друга. Используя трсянку и создавая на ее основе окказиональные слова и выражения с усиленной девиантностью (*сатрыце прыкол* (от рус. *смотрите*), *нармас* (от рус. *нормальный*), *инасранцы* (от рус. *иностранцы*), *абавязайцальна* (ср.: бел. *абавязкова*, рус. *обязательно*), *напросчэ* (ср.: бел. *прасцей*, рус. *попроще*)), участники сообщества демонстрируют свою готовность к единодушию, принятие предложенной тональности разговора – создают дискурсивное пространство стёба всё понимающих «своих» (см. обращения в сообществе «Агратрэш»: *паважаныя калгаснікі, паважанае калхазанства, афігеушыя жонанінавіснікі, паважаная Трактарыначка!*).

2.3 Вектор «Они» (чужие, вне сообщества). **Интерпретативная** функция происходит из самой сути анализируемого языкового субстрата: посредством LOL-трсянки члены сетевых сообществ выстраивают альтернативную смеховую реальность (LOL-реальность), своеобразный антипод существующей действительности, в котором отрицаются общепринятые общественные явления и ценности и утверждаются другие, альтернативные. В основе такой потенции – факторы, определяющие статус белорусско-русской смешанной речи, отмеченные выше в настоящей публикации. Есть и другое подтверждение смеховой «силы» белорусского LOL-языка: без «трсяночного» оформления высказывания могут утратить свой подтекст, ослабить свою иронию, стать сообщением, которое не привлекает к себе внимания, ср.: *Упёрся в сабаку **нахой** і стал цянуць на сябя рыбіну за хвост* (Агратрэш, 02.05.2020) – и перевод на русский язык: *Уперся в собаку ногой и стал тянуть на себя рыбину за хвост*.

Смежная с интерпретативной функцией – **диссоциативная**. В LOL-трсянке все интерферентные явления утрированы, языковые нормы

нарушаются намеренно, что позволяет членам сообщества таким образом выражать протест, неудовлетворенность окружающей действительностью: *Мозырская рэспубліканская свінаферма сумесна с Дрыбінскім іспалкомам вывялі новую пароду свіней за начосам. Падробнасці эксперыменту ні разглашаюцца, но кабан Васька астаўся даволён* («Агратрэш», 27.08.2020). LOL-трасянка зачастую становится языковым кодом людей, не удовлетворенных состоянием общества, не видящих своего будущего в текущей ситуации, испытывающих необходимость «выпустить пар», глумясь над обидчиками и их ценностями: реалии страны – *агратрэш*, избиратели, поддерживающие действующую власть, – *электарат*, *застабы*, представители вертикали власти – *цёткі з начосам* и т. д.

Заключение

В ряде белорусских «смеховых» онлайн-сообществ используется особый вариант смешанной белорусско-русской речи – LOL-трасянка. Факторами формирования и использования LOL-трасянки как ресурса комического дискурса в белорусских сетевых сообществах являются, во-первых, стереотипы маркирования государственных языков и их вариантов по престижности / непрестижности и политическим взглядам носителей языка; во-вторых, усиление символической функции белорусского языка, по отношению к которому белорусы в сети декларируют пуристическое отношение; в-третьих, пренебрежительное отношение к смешанной белорусско-русской речи, ставшей триггером ситуаций стёба, пародирования, ёрничания; в-четвертых, расширение сфер использования трасянки, выход ее за пределы устной коммуникации – в СМИ и СМК.

Анализ онлайн-комьюнити в социальной сети «ВКонтакте» показал, что интернет-пользователи используют LOL-трасянку намеренно, решая ряд коммуникативных задач, указывающих на специфические функции этого языкового субстрата в коммуникативном взаимодействии участников белорусских онлайн-сообществ. Для каждого участника комьюнити – «Я» (пишущий) – LOL-трасянка выполняет креативную и эмоционально-экспрессивную функции; в пространстве целого онлайн-комьюнити – «Мы» (члены сообщества) – анализируемый языковой субстрат реализует интегративную и идентификационную функции; по отношению к третьим лицам, находящимся за пределами сообщества, – «Они» (чужие) – LOL-трасянка обеспечивает интерпретативную и диссоциативную функции.

Особый исследовательский интерес представляет дальнейшее изучение типов речевых ситуаций в онлайн-сообществах, для которых LOL-трасянка становится кодом коммуникативного взаимодействия.

Литература

Белова К.А. (2012). Кодовые переключения в интернет-дискурсе Беларуси // Учен. записки. 2012. Т. 13. С. 185–195.

- Десюкевич О.И. (2019). Кодовые переключения в двуязычной коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2019. №37. С. 903–908.
- Дускаева Л.Р., Щеглова Е.А. (2020). Восприятие комического текста-пранка в диалоге сетевого общения: постановка проблемы // Медиалингвистика. №7 (2). С. 238–249. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.207>
- Крысин Л.Г. (1977). О некоторых понятиях современной социальной лингвистики // Язык и общество: межвуз. науч. сб. Саратов. Вып. 4. С. 3–19.
- Лукашанец А.А. (2016). Беларуская мова ў сучасным грамадстве: нацыянальная мова і адзінства нацыі // Славянские языки: системно-описат. и социокульт. аспекты исследования: сб. науч. тр.: в 2 ч. Брест, ч.1. С. 3–10.
- Лукашанец А.А. (2009). Современное состояние и тенденции развития славянских языков (белорусский язык) // Вестн. Московского ун-та. Серия 9. Филология. № 5. С. 65–75.
- Мечковская Н.Б. (2011). Постсоветские языки в условиях государственного суверенитета и расцвета информационных технологий // Веснік БДУ. Серия 4, № 2. С. 75–82.
- Мячкoўская Н.Б. (2007). Трасянка ў кантынууме беларуска-рускіх ідыялектаў: хто і калі размаўляе на трасянцы? // Веснік БДУ. Серия 4, № 1. С. 91–97.
- Прохорова С.М. (2008). Соотношение языковой и концептуальной картины мира жителей Беларуси // Балтийский регион. Лики русского мира: сб. науч. тр. / под общ. ред. Н.Г. Бабенко. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта. С. 92–99.
- Рамза Т. (2010). Трасянка: национально-прецедентный феномен или «ключевое слово текущего момента» // Беларуская думка. № 7. С. 112–116.
- Самусевіч В.М. (2012). Дамінантныя канцэпты ў прасторы газетнага тэксту (на матэрыяле газеты «Наша Ніва») // Динамическая картина мира: сб. науч. ст. / отв. ред. А. М. Горлатов, О. В. Писецкая. Минск: МГЛУ. С. 95–100.
- Сычев А.А. (2003). Природа смеха или Философия комического. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та. 176 с.
- Словарь социалингвистических терминов. М.: РАН, Ин-т языкознания. Рос. акад. лингвистических наук, 2006. 312 с.
- Astapova A. (2015). Negotiating Belarusianness: Political folklore betwixt and between: dissertation. Tartu. 215 c. URI <http://hdl.handle.net/10062/49509>
- Bury B., Wojtaszek A. (2017). Linguistic Regularities of LOLspeak // Sino-US English Teaching. Vol. 14 (1). P. 30-41. DOI: 10.17265/1539-8072/2017.01.005
- Chiaro D. (2009). Cultural divide or unifying factor? Humorous talk in bilingual, cross-cultural couples // N. R. Norrick, D. Chiaro (Eds). Humor in Interaction. Amsterdam; Philadelphia. P. 211-231. <https://doi.org/10.1075/pbns.182.10chi>
- Crystal D. (2001). Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511487002>
- Fiorentini I. (2013). “Zomg! Dis iz a new language’: The Case of Lolspeak” Newcastle Working Papers in Linguistics. Vol. 19(1): 90-108.
- Hentschel G. (2017). Eleven Questions and Answers about Belarusian-Russian Mixed Speech (“Trasyanka”) // Russian Linguistics. 41 (1), 17-42; DOI 10.1007/s11185-0169175-8.
- Hjarvard S. (2004). The Globalization of Language. How the Media Contribute to the Spread of English and the Emergence of Medialects // The Globalization of Language. Plenary session III. Media, Globalization and Identity. P. 75-98. Retrieved from http://www.nordicom.gu.se/common/publ_pdf/157_075-098.pdf.

Liskovets I. (2010). Trasjanka: A code of rural migrants in Minsk // International Journal of Bilingualism. Vol. 13, № 3. P. 396–412. <https://doi.org/10.1177/1367006909348678>

Partridge E. (1972). Slang to-day and yesterday: with a short historical sketch and vocabularies of English, American and Australian slang / by Eric Partridge: 4th ed. London: Routledge and Kegan Paul. 476 p.

Rampton B. (1999). Deutsch in inner London and the animation of an instructed foreign language // Journal of Sociolinguistics. Vol. 3–4. P. 480–504. <https://doi.org/10.1111/1467-9481.00092>

Siegel J. (2009). How to get a laugh in Fijian: Code-switching and humor. 1995. Published online by Cambridge University Press: 19 February 2009. DOI: <https://doi.org/10.1017/S004740450001842X>.

Vaid J. (2006). Joking across languages: Perspectives on humor, emotion, and bilingualism // Bilingual Minds: Emotional Experience, Expression, and Representation. P. 152–182. DOI: 10.21832/9781853598746-008

Zaprudski S. (2007). In the grip of replacive bilingualism: the Belarusian language in contact with Russian // International Journal of the Sociology of Language. Vol. 2007: Issue 183. <https://doi.org/10.1515/IJSL.2007.006>

References

Astapova A. (2015). *Negotiating Belarusianness: Political folklore betwixt and between: dissertation*. Tartu, 215 p. Available at: <http://hdl.handle.net/10062/49509> (accessed 15.08.2020).

Belova K. A. (2012). Code switching in the Internet discourse of Belarus. *Scientific notes*, vol. 13, pp. 185–195. (In Russian).

Bury B., Wojtaszek A. (2017). Linguistic Regularities of LOLspeak. *Sino-US English Teaching*, vol. 14(1), pp. 30–41. DOI: 10.17265/1539-8072/2017.01.005

Crystal D. (2001). *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511487002>

Desyukevitch O. I. (2019). Code-switching in bilingual communication. *Cognitive language studies*, no. 37, pp. 903–908. (In Russian).

Duskaeva L. R., Shcheglova E. A. (2020). Perception of a comic text-prank in the dialogue of network communication: creating a problem. *Medialinguistics*, no. 7 (2), pp. 238–249. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.207>. (In Russian).

Fiorentini I. (2013). “Zomg! Dis iz a new language’: The Case of Lolspeak” *Newcastle Working Papers in Linguistics*, vol. 19(1), pp. 90–108.

Glossary of Sociolinguistic Terms (2006). Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 312 p. (In Russian).

Hentschel G. (2017). Eleven Questions and Answers about Belarusian-Russian Mixed Speech (“Trasyanka”). *Russian Linguistics*, no. 41(1), pp. 17–42. DOI 10.1007/s11185-0169175-8

Hjarvard S. (2004). The Globalization of Language. How the Media Contribute to the Spread of English and the Emergence of Medialects. *The Globalization of Language*. Plenary session III. Media, Globalization and Identity. P. 75–98. Available at: http://www.nordicom.gu.se/common/publ_pdf/157_075-098.pdf (accessed 12.12.2020).

Krysin L. G. (1977). On some concepts of modern social linguistics. *Language and Society: interuniversity scientific journal*. Saratov: Izd-vo Saratov. gos. un-ta, vol. 4, pp. 3–19. (In Russian).

Liskovets I. (2010). Trasjanka: A code of rural migrants in Minsk. *International Journal of Bilingualism*, vol. 13(3), pp. 396-412. <https://doi.org/10.1177/1367006909348678>

Lukashanets A. A. (2016). Belarussian language in modern society: national language and nation's unity. *Slavic languages: systematic-descriptive and sociocultural aspects of research: collection of scientific works: in 2 parts*. Brest, part. 1, pp. 3–10. (In Belarusian).

Lukashanets A. A. (2009). The state of the art and trends in the evolution of slavic languages (the byelorussian language). *Moscow University Philology Bulletin*. Series. 9. Philology, no. 5, pp. 65-75. (In Russian).

Mechkovskaya N. B. (2011). Post-soviet languages in conditions of state sovereignty and flourishing of information technologies. *Bulletin of the Belarusian State University*. Series 4. Philology, no. 2, pp. 75-82. (In Russian).

Mechkovskaya N. B. (2007). Trasyanka in the continuum of Belarusian-Russian dialects: who and when speaks Trasyanka? *Bulletin of the Belarusian State University*. Series 4. Philology, no. 1, pp. 91-97. (In Belarusian).

Norrick N., Chiaro D. (2009). Cultural divide or unifying factor? Humorous talk in bilingual, cross-cultural couples. *Humor in Interaction*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, pp. 211–231. <https://doi.org/10.1075/pbns.182.10chi>

Partridge E. (1972). *Slang to-day and yesterday: with a short historical sketch and vocabularies of English, American and Australian slang*. 4th ed. London: Routledge and Kegan Paul. 476 p.

Prokhorova S. M. (2008). Correlation of language and conceptual picture of the world of Belarussian people. *Baltic region. Images of the Russian world: collection of scientific works / ed. N.G. Babenko*. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University, pp. 92-99. (In Russian).

Rampton B. (1999). Deutsch in inner London and the animation of an instructed foreign language. *Journal of Sociolinguistics*, vol. 3-4, pp. 480-504. <https://doi.org/10.1111/1467-9481.00092>

Ramza T. (2010). Trasyanka: a national precedent phenomenon or «the key word of the current moment». *Belaruskaya dumka*, no. 7, pp. 112-116. (In Belarusian).

Samusevich O. M. (2012). Dominant concepts in context of newspaper text (on the material of newspaper «Nasha Niva»). *Dynamic worldview: collection of scientific articles*. Minsk: Minsk State Linguistic University, pp. 95-100. (In Belarusian).

Siegel J. (2009). *How to get a laugh in Fijian: Code-switching and humor. 1995*. Published online by Cambridge University Press: 19 February 2009. DOI: <https://doi.org/10.1017/S004740450001842X>

Sychev A. A. (2003). *The nature of laughter or the philosophy of the comic*. Saransk: Mordovia State University, 176 p. (In Russian).

Vaid J. (2006). Joking across languages: Perspectives on humor, emotion, and bilingualism. *Bilingual Minds: Emotional Experience, Expression, and Representation*. Texas: Multilingual Matters, pp. 152–182. DOI: 10.21832/9781853598746-008

Zaprudski S. (2007). In the grip of replacive bilingualism: the Belarusian language in contact with Russian. *International Journal of the Sociology of Language*, vol. 183, pp. 97-118. <https://doi.org/10.1515/IJSL.2007.006>

Tamara A. Pivovarchik, Inna I. Minchuk (Grodno, Republic of Belarus)

LOL-Trasianka: what Language do the Belarus Network Communities Use?

The article is devoted to LOL-trasianka – a network variety of mixed Belarus-Russian speech, which is actively used in Belarus Internet communities as a source of comic and a trigger for laughing communicative situations. It was found that laughter discourse in LOL-trasianka is characterized by deliberate distortion of the norms of both Russian and Belarus languages, hypertrophied interference, violation of ethical and etiquette rules of communication, demonstrative marginalization of the speech flow, general intention of irony and sarcasm. Sociolinguistic and communicative-discursive factors that determined the status of LOL-trasianka as the main code resource of Internet communities with an ironic-grotesque discourse of a socially critical orientation are a) stereotypes of marking the state Russian and Belarus languages and their variants; b) strengthening the symbolic function of the Belarus language; c) disdainful attitude towards mixed Belarus-Russian speech; d) expanding the scope of use of trasianka. It was found that in the communicative interaction of participants in the analyzed communities, LOL-trasianka performs a number of functions: creative (is a means of self-expression of participants), emotional-expressive (allows the writer to convey a palette of emotions), integrative (unites members of the online community), identification (provides adequate perception and understanding each other's intentions), interpretive (forms an alternative laughing reality), dissociative (expresses the protest of community members, dissatisfaction with the surrounding reality).

Key words: *Belarus language, Russian language, Internet communication, Internet language, network community, substandard, trasianka, LOL-trasianka, laughing discourse, linguistic functions.*

Сведения об авторах / Information about the authors

Пивоварчик Тамара Анатольевна – канд. филол. наук, доцент кафедры журналистики факультета истории, коммуникации и туризма, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь. Тел.: +375 (152) 77-07-91; e-mail: t.pivavarchyk@grsu.by

Минчук Инна Ивановна – канд. филол. наук, заведующий кафедрой журналистики факультета истории, коммуникации и туризма, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь, Phone: +375 (152) 73-19-88; +375 (33) 699-77-44; e-mail: i.minchuk@grsu.by

Tamara A. Pivovarchik – grand PhD in Philology, associate professor of Journalism Department. Yanka Kupala State University of Grodno; Faculty of History, Communication and Tourism, Journalism Department. Grodno, Republic of Belarus. Phone: +375 (152) 77-07-91; +375 (29) 886-82-11; e-mail: t.pivavarchyk@grsu.by

Inna I. Minchuk – PhD in Philology, Head of Journalism Department. Yanka Kupala State University of Grodno; Faculty of History, Communication and Tourism, Journalism Department. Grodno, Republic of Belarus. Phone: +375 (152) 73-19-88; +375 (33) 699-77-44; e-mail: i.minchuk@grsu.by

---

*Статья поступила в редакцию 31.01.2021, принята к публикации 15.04.2021.
The article was submitted 31.01.2021, accepted for publication 15.04.2021.*